

Е. Л. Березович, Я. В. Малькова
**«НАПРЯЖЕННОЕ» ЗВУЧАНИЕ В ОБРЯДНОСТИ И МАГИИ
 (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ
 КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)***

doi:10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33

УДК 39(=82):94(470.317)“1975/2023” ББК 63.521(=411)

Статья посвящена изучению русских народных обрядов, магических практик и верований, в которых значимую роль играет звуковая составляющая (а именно «напряженное» звучание — очень громкий или, напротив, тихий голос, особая интонация или темп и др.), выявлению лексики, характеризующей эти ситуации, особенностей коммуникативных актов и функций «напряженного» звука. Для анализа выбрана культурно-языковая традиция Костромской области. Материалом послужили преимущественно костромские полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, сделанные в 1975–2023 гг.; также привлекались некоторые письменные источники, фиксирующие местные говоры. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «напряженная» обрядовая или магическая речь описывается главным образом с помощью слов из гнезд глаголов *кликать*, *кричать*, *вопить*, *реветь*, *выть*, *шептать*. Попадая в обрядовую сферу, слова с первоначально бытовой семантикой приобретают особые черты, что отражается на их лексическом значении и синтаксических свойствах. «Напряженное» звучание характерно для ряда семейных обрядов (похороны и поминание, девичник в канун свадьбы, послесвадебный *вьюнишник*) и обрядов, приуроченных к тем или иным календарным датам, таким как Егорьев день, Великий четверг, Крестопоклонная неделя; также оно может использоваться в ситуации вербальной магии и колдовства. Выявленные функции этого способа звукоизвлечения таковы: эмотивная, социальная, апотропеическая, продуцирующая, вредоносная, исцеляющая.

Ключевые слова: *этнография, Костромская область, диалектная лексика, вербальная магия, обрядовое голошение, обходные ритуалы, народный календарь*

Об особенностях ритуальной и магической речи не раз писали, отмечая, что такое слово, будучи гарантом исполнения определенного действия, облечено в специфическую форму: могут использоваться очень громкий или, напротив, тихий голос, особая интонация или темп и др.¹ Как нам видится, все это уклады-

¹ См.: Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 172–177; Мороз А. Б. Речь святых в легендах // Русская речь. 2010. № 5. С. 106–110; Померанце-

вается в понятие «напряженного звучания». Авторы настоящей статьи, много лет работая на территории Костромской области, обратили внимание на отмеченные особенности и в местном полевом материале. Представляется важным проанализировать комплексно эту традицию, поскольку на обозримом материале легче перейти от формы к функциям и содержанию магической и ритуальной речи, оформленной «напряженным голосом». В статье будут рассмотрены ситуации, где используется такая речь, метаязыковые обозначения ее компонентов, а далее — функции и символические смыслы текстов. Материалом для исследования стали преимущественно записи Топонимической экспедиции Уральского университета, а также некоторые письменные источники, фиксирующие костромскую традицию.

Семейные обряды

Погребальный обряд

Традиция похоронного причитания, как известно, широко распространена у славян. Причитали обычно женщины — родственницы

ва Э. В. Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 25–36; и др.

Березович Елена Львовна — чл.-корр. РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: berezovich@yandex.ru

Малькова Яна Владимировна — к.филол.н., н.с. Топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: yana-malkova@list.ru

* Авторская работа Я. В. Мальковой выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10029 «Традиционная культура костромской деревни в советское и постсоветское время: электронный корпус этнолингвистических материалов» (рук. О. Д. Сурикова)

усопшего или же приглашалась специальная плакальщица.² Основные названия причитаний в Костромской губернии выделил более 100 лет назад В. И. Смирнов: *плачи, причеты, заплачки, вытье, вой, голосование, голошение*.³ Каждое из этих жанровых обозначений существует в контексте своего гнезда, где особо активны глаголы. В данное смысловое поле втягивается и глагол *реветь*, от которого образовано название поминального дня *Реву́н*, отмечаемого на восьмое воскресенье после Пасхи в Тимошинском сельском поселении. Этот хроним на других территориях не фиксируется: «Раньше *Реву́н*, а теперь *Оста́нное* воскресенье. Ходили на кладбище. Усопшим носили обед. У них так заведено было. И сейчас они ещё носят. Они так причитают, так *ревут*. У каждого причитание своё было, каждый своим языком».⁴

Наиболее разветвленным является гнездо глагола *выть*: мак.⁵ «У нас здесь *воют* по покойнику-то. Мама моя *выла*, да в Тимошине все *воют*. Она мне говорила: “Я умру, ты уж *повой*”»; «Если мама сходит к кому-то родственникам, она обязательно *повоет*, расскажет: “Как теперь тебе там, уходишь от нас в сыру землю”»; пыщ. «Как покойника хороняют, песня специальная есть — *вытьё* называется»; шар. «Жена по мужу *выла* — и в избе, и на кладбище, когда привезут: “Не пора бы тебе, не времечко, / Тебе лежать бы на этой лавочке”»⁶ и др. При этом в гнезде наблюдается как регулярное словообразование (ср., к примеру, мак. *привыва́ть*: «У нас все бабы *привыва́ли, привыва́ньем* Тимошино было знаменито. *Привыва́ли* на всех могилах: “Ой да дорогой, ты мой любимый муж, / Разлетаются лебёдушки / Из родного да из гнёздышка, / И осталась я кокушечка...”»), так и нерегулярное, ср. шар. *в́ыля*, окт. *вытья́* ‘плакальщица’: «Были и те, кто над гробом причитали, но в

наше время уже не причитали. Старушки специальные причитали. *В́ыли* их звали».

Причитания на кладбищах производились в подчеркнuto ритуализованной форме, «аффектированным» звуком: «Но вот слышатся тяжелые вздохи, которые вдруг заменяются громким: “О-о-ой, да свет...” И полился заунывный, хватающий за сердце напев-плач. А чрез некоторое время, как разбуженный, заплакал и другой такой же голос, а там третий. И на большое расстояние кругом оглашается мирная сельская окрестность обычным для нее стоном-воплем».⁷ Ср. в высказываниях наших информантов: мак. «Идешь по кладбищу — и такой душераздирающий *вой*»; «*Реву́н* в Тимошине, *вой* до небес стоял»; «*Привыва́ли* так, штё окна дрожали. А как тихо будешь *привыва́ть*? Мёртвые штёб слышали...».

Последнее замечание очень точно — и признается исследователями как целеполагание ритуала, ср.: «голошение... отличается особенно интенсивным, напряженным звучанием..., и это... объясняется адресованностью ритуала и самого голоса иному, нездешнему миру».⁸ При этом коммуникация с иным светом не единственная цель погребального голошения. Среди таких целей следует еще назвать эмотивную — изживание собственного горя (что сформулировано в поморском народном речении «Вопить — гореванье утешить»⁹) и социальную — отдавание почестей ушедшему, возвеличивание его (особенно если учесть, что чаще всего *выли* по старикам, переходящим в категорию умерших предков — защитников и покровителей рода). При этом эмотивную функцию, кажется, язык выводит на первый план: адресация «тому свету» выходит за пределы обычного коммуникативного акта, поскольку глаголы *вопить*, *выть* и прочие употребляются безадресно (конструкции типа *выть по покойнику* называют «объект вытья», но они являются непереходными), а внутри этого акта акцентируется выражение отчаянной в своей «некоммуникативности» эмоции скорби.

Свадебный обряд

Свадебный обряд тоже связан с «напряженной речью», но здесь предсвадебные и после-свадебные события четко противопоставляются

² См.: Толстой Н. И. Голошение // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 513, 514.

³ См.: Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Кострома, 1920. С. 63. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; вып. 15).

⁴ Подробно см.: Кучко В. С. Хронимы и особенности календарного цикла Макарьевского района Костромской области // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 169–171.

⁵ Далее приводятся примеры из различных говоров Костромской области: буй. — буйские; вох. — вохомские; мак. — макарьевские; меж. — межевские; ней. — нейские; окт. — октябрьские; остр. — островские; пав. — павинские; парф. — парфеньевские; пыщ. — пыщутские; с-гал. — солигаличские; чухл. — чухломские; шар. — шарьинские.

⁶ Ветлужская сторона. Фольклорный сборник. Кострома, 1996. Вып. 2. С. 140.

⁷ Смирнов В. И. Указ. соч. С. 65.

⁸ Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 475.

⁹ Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. С. 493.

по окраске речевых актов («минорной» *vs* «мажорной») и целеполаганию.

Канун свадьбы. В канун свадьбы невеста «должна “умереть” как девушка, чтобы потом воскреснуть в новом качестве».¹⁰ Это обуславливает родственность предсвадебного¹¹ голошения погребальному, проявляющуюся на разных уровнях, в том числе звуковом и лексическом: здесь встречается примерно тот же набор гнезд, который был представлен выше.

Идеограмма ‘исполнять свадебные причитания’ шире всего реализуется с помощью слов из гнезда *вить*: 1) *вить* (с-гал. «Причеты были, все за столом сидят, подруги *воют*»; ней. «После просватания невеста (сговоренка) сидит в темном платье и *воет*»¹²); 2) *завывáть* (пав. «На свадьбе вытница поёт, *завывáет*, причитает, учит жить»); 3) *обвывáть* (буй. «Когда запоручат — невест *обвывáли*: невеста должна под закрышкой сидеть и *вить*»); 4) *подвывáть* (шар. «Накануне свадьбы, вечером баня (у невесты и у жениха). Перед тем как пойти в баню, *воет* коробейка, ей *подвывáют* девушки»¹³); 5) *привывáть* (шар. «Накануне свадьбы невеста подружек собирает. Делают вечерину, истопят баню, помоются. Потом сядут в избе. Если перегородки нет, то занавеску повесят, сядут за нее, невеста наклонясь, и платком ее *накроют*, и *привывáют*»¹⁴).

Разнообразны и отглагольные наименования голошения: 1) *витьё* (вох. «Раньше свадьба-то была с *витьём*. Невеста-то *ревела*»); 2) *витья́нка* (вох. «Свадебный обряд с элементами *витья́нки*, на свадьбах *выла*, невесте надо плакать — потом будет радостное»); 3) *свитьё* (вох. «Девку выдавали замуж, вот *вытница* эта *выла*, *девка* *ревела* — это называлось *свитьё*»). Было принято приглашать специальную женщину, которая знала свадебные причеты, — *вьтн́цу*, *витья́нку*, *пово́йную бабушку* (вох. «Тут была *вытн́ца* специальная, старушка или женщина, она причёты причитает, *прибау́льки* знала», вох. «*Пово́йная бабушка* — пожилой человек, уж немолодой. Она *пела*, всё уж, она как *главарь* была»).

Наименование *пово́йная бабушка* интересно тем, что может иметь двойную мотива-

цию. С одной стороны, его можно уверенно «угнездить» среди других слов, производных от *вить*; с другой стороны, оно вполне объяснимо и на основе гнезда *вить*, куда относятся общенародные слова *пово́йник* ‘свадебный головной убор’, *повитуха* (последняя распорядилась при родах, но ее функции могли быть перенесены на свадьбу). В одном из приведенных выше контекстов использовалось слово *коробейка*, которое поясняется в источнике как ‘участница свадебного обряда’:¹⁵ внутренняя форма слова указывает на изначальную функцию распоряжения имуществом (ср. окт. *коробейник* ‘гость на свадьбе, везущий приданое’).

Ожидаемо появляется и глагол *вопить*, встречающийся как в текстах причитаний («Подите, мои подруженьки..., / *Повопите* под окошечком, / Попросите дивью красоту / Во поляти вы во чистья»¹⁶), так и в метатекстовых ремарках («Пели перед причетом невесты на вечерине. После этой песни невеста отвечает своим подругам и родителям, *вопит*: “Погляди-ка, родный батюшка, / И родная ты матушка...”»¹⁷).

Для обозначения свадебного голошения используется и глагол *реветь*: пав. «За два дня до свадьбы *девишник* был. Невеста два дня *ревела*. *Вытн́чу* приведут, она там *ревёт*». Как отмечает С. М. Толстая, «лексическое поле обрядового голошения в славянских языках достаточно насыщено. В него входят слова трех основных семантических групп: “кричать”, “плакать” и “петь”».¹⁸ При этом не всегда можно с уверенностью сказать, реализуется ли в том или ином случае значение ‘исполнять свадебные причеты’ или же ‘плакать, проливать слезы’. Ср. парф. «Невеста в свою свадьбу *сидела* в кутí, уголке, и *воет*, *ревít*, *шибко* *воет*, какой *гость* *зашёл* в этот момент — она его *обвывáет*»; вох. «Раньше свадьба-то была с *витьём*. Невеста-то *ревела*. *Уревётся*, вечерина была до венча-то, пока не *обвенчана*». Конечно, в некоторых контекстах обыденное и ритуальное значения отмежеваны друг от друга достаточно четко: вох. «Когда гости *заходят*, они начинают *реветь* с причётами»; вох. «На свадебный день *девки* *топят* баню... А вечером вечерина *начинается*. *Старуха* *одна* *причитает*, а *девки* *ревели*».

¹⁰ Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 96.

¹¹ Костромские невесты чаще всего причитали накануне дня венчания (во время так называемой белой бани), иногда утром в этот день, иногда загодя — во время пропоя.

¹² Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985. С. 113.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Ветлужская сторона... С. 84

¹⁵ См.: Традиционные обряды... С. 339.

¹⁶ Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы. Тверь, 1905. С. 6.

¹⁷ Традиционные обряды... С. 190.

¹⁸ Толстая С. М. Указ. соч. С. 476.

Подобная ситуация складывается и по отношению к глаголу *плакать*. При наличии явно бытовых значений (пыщ. «Чтоб не обурóчили, надо намазать глаза луковицей, *плакать*-то надо молодиче. На свадьбе не поревела — после свадьбы поревéшь», вох. «Вытнiца песни поёт как молитвы. Невеста и не хочет *плакать*, а она так *разревется*») присутствует движение семантики глагола в сторону обрядовых значений, ср. пав. «Невесту закрывали полотном. Она там *плакала*. Женщину приглашали, которая помогала ей причитать». Можно говорить о постепенном семантическом переходе от наименования поведения, выражающего индивидуальную, обусловленную ситуацией эмоциональную реакцию, к обозначению ритуальной «напряженной» речи, четко регламентированной обрядом.

Вьюнишник. Это название носит послесвадебный обряд поздравления молодых в первую весну после брака; этот обряд был распространен в Среднем Поволжье, в Нижегородской, Костромской, Владимирской, Ярославской губерниях.¹⁹ Согласно нашим костромским материалам, в определенный день (воскресенье после свадьбы, Масленица, первая суббота или воскресенье после Пасхи, etc.) жители деревни исполняли под окнами молодых величальные песни, после чего получали угощение.

Исполнение песен обозначалось глаголом *оклика́ть*: мак. «Бабы ходят, *оклика́ют молодых*, собираются караваном, идут *оклика́ть*: “Вьюница-молодица, / Подай наши яйца, / Не подашь наши яйца, / Ты не пря́лья, и не тка́лья, и не шелкови́ца”. И вот им дают, подают вино, закуску, и они идут, гуляют уже сами»; парф. «*Окликáли молодых*-то — это ходили в первое воскресенье после Паски и вот пели: “Молодая молодича, / Подавай наши яйца, / Не подашь яйца — / Уведём молодца, / В хлев за́прём, помелом при́прём и не выпустим!”»; буй. «В Масленую неделю могли прийти не только званые гости, но и ряженые, и детишки гурьбой забежать, и молодежь целой толпой завалиться *окликать молодых*, и никого хозяйка не могла отпустить без традиционного блина, куска пирога, а старших и без ковши пива».²⁰ Костромские названия описываемой календарной даты тоже вписывается в гнездо *клик*-

Окликáльная суббота, Кликúничное воскресенье, Кликúнишная, Кликúшное воскресенье.²¹

Семантика «напряженного» звучания встраивает глагол *окликать* в ряд других, связанных с обозначением ритуальной речи, но при этом он несет «мажорную» тональность, предполагает реального адресата (*молодые*), что заложено в первоначальной (внеобрядовой) семантике окликания = подзывания кого-либо. Но обрядовая семантика глагола *окликать* иная, а функция обрядового окликания не равна призыву (в том числе неожиданному) к собеседнику вступить в контакт. Неожиданности здесь нет: парф. «А молодых *оклика́ют* — это тоже есть специальный такой обряд. Даже молодые сами просят: “Придите, нас *окли́кните*”». Главная функция окликания — закрепление нового социального статуса молодоженов, оповещение всей социальной группы об этом статусе. Неслучайно в обрядовом контексте глагол может приобрести непереходную форму: мак. «К нам приходили женщины *оклика́ть* с берёзовыми вениками, с корзинками. Они подходят к дому, чтобы узнать дома ли хозяин, и сначала выходят родители, потом молодые», «Радошное воскресенье — первое после Христова дня. Ходили *оклика́ли* по дворам. *Окликáли*, кто женился в этом году. Кто не давал *оклика́ть* — тому пели редьку <осуждающую песню>». В обрядовом значении глагол *окликать* становится изофункциональным *славить*,²² ср. мак. «Вьюнишник после Пасхи в первое воскресенье; *сла́вили* молодуху». Интересно, что в сочетании со *славить* выступает именно *молодуха* (а не *молодые* вместе). Вероятно, причина в том, что на вьюнишник распространяется общая символика свадебного обряда, в контексте которого (по крайней мере, у восточных славян) особо подчеркивается «славно́сть» молодой (ее честь, репутация).²³

Календарные обряды

«Во всех славянских традициях человеческому голосу (главным образом громкому голосу, крику и пению) — безотносительно содержательной стороны высказываний — приписываются магические функции, в основном

¹⁹ См.: Тульцева Л. А. Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 122, 123.

²⁰ Ковалева Л. Масленицы бойкой закипел широкий пир... // Губернский дом. 1996. № 1/96. С. 53.

²¹ См.: Традиционные обряды... С. 58.

²² Глагол *славить* фигурирует обычно в обрядах рождественского и пасхального циклов (ср. обходы славильщиков, прославляющих Христа).

²³ См.: Агапкина Т. А. Слава в восточнославянском фольклоре // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М., 2015. С. 125–127.

охранительно-апотропейные и продуцирующие».²⁴ Эти функции реализуются в ряде костромских календарных ритуалов, элементом которых является громкое голошение. Ритуалы связаны с такими датами, как Егорьев день, Великий четверг, Крестопоклонная неделя.

Егорьев день

В ряде районов Костромской области в Егорьев день впервые выгоняли скот на пастбище, сопровождая выгон ритуальными обходами домов. Исполняемые при этом приговоры были обращены к главному защитнику скота — Георгию Победоносцу и носили название *окликать* (*откликать*) *Егория*: парф. «Нынче приходили на Егóрий день, *Егóрия оклика́ли*, женщины пришли, нарядились, стучат в дома, яйца собирают»; «Ходили *окликать Егóрья*. Пели: “Батюшка Егорий, / Егорий Преподобный, / Спаси нашу скотинку, / Всю животинку. / И лесом и за лесом, / Вшей до ушей, / Курочка несися, / Петушок трясися”». Семантика обращения к конкретному лицу может выхолащиваться, о чем свидетельствует непременное употребление глагола: парф. «Вот яиц насобираем. По деревне ходим *оклика́ем*. Бывало, корзину с яйцами так и ставит мама на окошко: “Сегодня, — говорит, — *оклика́ть* придут”. С гармонью, с балалайкам все, с барабаном, все поют. Спишь ночью, слышишь, ...идут ребята *оклика́ть*”». Такое расширение семантики глагола меняет его сочетаемость, вызывая появление конструкций *окликать скотину* и *окликать хозяйства*: парф. «В Егорьев день люди выходили *окликать скотину*. Один из них вешал барабанку на шею, и пастухи били палками об доску и приговаривали: “Батюшка Егорий, / Егорий Преподобный, / Спаси нашу скотинку, / Всю животинку...”»; парф. «Мы десять *хозяйств окликнули*». Таким образом, семантика зова постепенно утрачивается, а на первый план выходит охранное значение действия и соответствующего ему глагола *окликать*.

Контекстуальные синонимы глагола *окликать* — *кричать* и *вопить*: меж. «На Егория весеннего ходили *кричать Егóрия*: ходили по домам, собирали лепёшки, если много насобирают — со скотиной поделятся»; меж. «В Егорьевскую *вопили Егория*: “Егорий-Егорий, / Спаси нашу скотинку, / Всю животинку. / В поле и на́ поле, / В лесе и за́ лесом. / За

лесом-леском, / За крутым бережком”. Гнали корову вербой, молились на ходу. Обходили каждый дом, собирали яйца»; чухл. «В поле ходили, / Кресты становили, / Кресты становили, / *Егорья вопили*: “Батюшка Егорий, / Макарий, батька храбрый, / Спаси нашу скотинку...”»²⁵ В данном случае вновь совмещается семантика «напряженной» обрядовой речи и семантика зова, ср. меж. «Ген, тебя мамка *во́пит!*», остр. «Соседка меня *кричит*» и т. п.

Великий четверг

Вербальные ритуалы, о которых далее пойдет речь, отличаются от текстов предыдущей рубрики тем, что меняется адресат: тексты обращены не к защитнику от опасности, а к самому объекту опасности. В частности, предпринимались символические действия, связанные с защитой от медведя. Так, у южных славян известно приглашение медведя на рождественский или новогодний ужин, задобривание угощением.²⁶ В Межевском и Макарьевском районах Костромской области было принято *звать, вопить, кли́кать, кричать медведя* на кисель (кашу) в Великий четверг: меж. «В Великодённый четверг *медведя кричали* кисель есть: “Медведь-медведь, иди к нам кисель есть! Иди сам, с хозяйкой, с медвежатам! А летом овёс нам не топчи!”»; меж. «*Медведя вопили* овсяный кисель исть. Коло домов вопили в Великодённый четверг: “Медведь-медведь, иди кисель исть!” *Вопили* так, а кто и нарядится медведем» и др. Единично фиксируется зазывание медведя на угощение в Святки, Масленицу, Благовещенье: мак. «Овсяный кисель варили на Благовещенье: завтра будем овсяный кисель варить, *медведя* будем в трубу *кричать*, чтобы он приходил кисель исть»; меж. «*Медведя* так и *кли́кали*. “Приходи, медведь, приходи, медведь!” На улицу выходили. А медведь в вывороченной шубе приходил. Это для ребяташек».

Крестопоклонная неделя

Наконец, глаголы «напряженной речи» используются для описания еще одного обряда, приходящегося уже на середину Великого Поста — на так называемое Средокрестье. В этот день принято совершать традиционные обходы дворов, исполнять приговоры и просить у односельчан угощение, преимущественно

²⁴ Агапкина Т. А., Левкиевская Е. Е. Голос // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 511.

²⁵ Традиционные обряды... С. 46.

²⁶ См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 171, 172.

особую ритуальную выпечку — небольшие постные булочки, называемые *крестами*. Данный ритуал локализован в Костромской и Нижегородской областях. Несмотря на наличие некоторых исследований,²⁷ он пока представляется недостаточно изученным.

По отношению к средокрестным приговорам чаще всего используются следующие сочетания: 1) *кричат кресты/крестов* (шар. «Кресты были, дети ходили *кричат кресты*, брали портяные котомки, и пели, специальные песни были, нам и давали кто что мог, кто хлеб, кто пирог какой, хоть немного, а что-то приносили», «По домам ходили *кричали крестов*. Тот даст крестик, другой крестик даст»); 2) *вопить кресты/кресты* (мак. «*Вопили кресты* по деревне: “Подайте, не ломайте, / Водой не обливайте, / Старые старушки / По кресту дадут”»; шар. «На Крестовой Середи дети бегали, *кресты вопили*»; меж. «На середину Великого Поста пекли кресты и *вопили кресты*: “Кресты-кресты, Середокресты, / Середина поста, / До красного яичка, / До Христова пирожка”»); 3) *вопить говинье* (вох. «Вот мы со всей деревни ребятки заходим в избу, поём хором и нам подают кто чего: кто луковицу, кто картошину, кто хлеба кусок — в общем, у кого чего, тот то и подавал. Вот это и называлось говинье, *вопили говинье*»). Глаголы *вопить* и *кричат* единично встречаются и в непереходном употреблении: меж. «В Кресты бегали *кричат* по деревне», вох. «Говинье — *кричали* раньше маленькие дак, бегали по деревне *кричали*», «*Вопили, вопили* на говинье».

Реже встречаются глаголы «*окликать*» и «*славить*», появившиеся, по всей вероятности, вследствие переноса с других ритуалов (возможно, рождественских, вьюнишных): 1) *окликать говинье* («Во многих местах ребятки собираются вместе и ходят по домам *окликать говинье, вопить* или *кричат кресты*»²⁸), 2) *славить (прославить) говинье* (мак. «Говинье переломилось — и пойдём *говинье славить*. Дети ходили и пели. Под окошко придут: “Можно *говинье прославить*? — Можно”»).

Здесь вновь можно говорить об охранительной-апотропейной и — особенно — продуцирующей функции громкого голоса и голоше-

ния, что вписывается в общий смысл ритуала: «Крестопоклонная неделя, выпадающая на начало весны, в народном сознании “открывает” новое для природы время», — и потому возникают различные магические практики, направленные на защиту скота, богатый урожай, здоровье человека и пр.²⁹ Так, на акциональном и текстовом уровне заметно взаимодействие средокрестных обходов и обычая призывать весну, исполняя весенние *заклички*:³⁰ несмотря на прозрачную внутреннюю форму слова *кресты*, они могли выпекаться в виде птичек (*жаворонков*). Мотивы приближения Пасхи, ожидания скоромной пищи, приплода и проч., характерные для весенних закличек, обнаруживаются и в средокрестных приговорах: вох. «Кресточки, завороночки, / Говиньце переломится, / Христов день подвинется. / Кадца молока накопится, / Коровушка отелится, / Лошадонька ожеребится, / Курочка яичко снесёт, / Молодая молодница / На стол принесёт». Упомянем еще мотив обливания водой, встречающийся в ряде текстов (мак. «Подайте крест, подайте другой, / Не облейте водой» и т. п.), который явно вписывается в ритуал вызывания дождя.

Вербальная магия, колдовство

Особыми характеристиками наделяется голос и в различных колдовских ситуациях и практиках. Интересен фрагмент заговора: пав. «Отговариваю от двоезубого, от троезубого, от двоеглазого, от троеглазого, от *всех разных голосов*, чтоб не изурочили». Здесь *голоса* — ‘звуки, которые могут принести вред’, при этом «колдовской» смысл слово приобретает именно в ситуации «многоголосия». Это подтверждается вариантами того же заговора, ср. олон. «Я заговариваю, раб Божий (имя колдуна) от двузуба, от трезуба, от *двуголоса*, от двужена, от трежена, от колдуна, и от колдуньи, и от всех злых людей».³¹ Речь идет, по всей видимости, об одержимом кликушеством (как известно, по народным представлениям, в кликушу вселяется нечистый дух, разговаривающий на разные голоса, подражающий птицам и животным и т. д.). Важно и то, что сочетание *кричат (вить, реветь) разными*

²⁷ Подробно о нижегородской традиции см.: Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 233–243.

²⁸ Китицына Л. Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края // Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927. С. 98. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; вып. 41).

²⁹ Атрошенко О. В. Русская народная хрономимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. С. 331, 332.

³⁰ Ср. заключение К. Е. Кореповой, анализировавшей нижегородский материал: «На большей части ареала обычай заклипать весну, вероятно, был вытеснен средокрестными ритуалами» (Корепова К. Е. Указ. соч. С. 240).

³¹ См.: Народные суеверия // Олонекские губернские ведомости. 1869. № 94. С. 997.

(всякими) *голосами* (прикам.) используется в быличках именно для описания поведения бесов, вселяющихся в кликушу.³² Таким образом, напряженность речи создается здесь тем, что один источник звука (говорящий) порождает разные виды звучания.

В общенародном *кликкуша* выделяется корень *клик-*, что говорит о вовлеченности слов с этим корнем в поле «сверхъестественной» речи. В связи с этим показателен глагол *проклíкнуть* (зафиксированный, по всей видимости, только в наших материалах): 1) 'о колдуне: выкликнуть чье-либо имя «на ветер», насылая тем самым порчу': меж. «Колдун-от, Егор Грязет, отпуская наговоры по ветру — и на кого поветрие попало, тот будет страдать. *Проклíкнет* чье имя, отпустит по ветру — тот и страдает»; 2) 'проклясть кого-либо': меж. «*Проклíкнула* ребеночка в межуемочный час <полночь> — ну и потеряла его. Забрал леший. *Проклíкнутые* дети у лешего в лесу, в болоте живут». Кажется, в этом случае важную роль играет и притяжение *прокликнуть* ↔ *проклинать*. Сглаз, насылаемый «кликаньем», обозначается и любопытным словом *заклíчка*; такой сглаз, по законам симпатической магии, вызывает аномальное звуковое поведение у своего объекта: меж. «Тишинка <детская бессонница> у ребеночка, всё кричал и плакал. Ходили к Егору Грязету, к корню <знахарю>, штёб лечить-то. Тишинка не сама сделалась. Кто-то *заклíчку* сказал, послал эту тишинку. Чего он ревёт-то всё? Словом сделано, словом и выходит».

Аномальность речевого акта, который может быть поименован ресурсами гнезда *клик-*, высвечивается и в сказке, записанной нами в Макарьевском районе. Речь идет о старике, который нашел в лесу *колочíжник* <папоротник> в полночь на Иванов день. Увидев его цветение и просидев в его зарослях, старик стал понимать разговоры животных, ср.: «Бабы выгоняют скотину. Ну одна корова и жалуется другой: «Я домой не пойду. Я испачкала вымя в навозе — меня хозяйка выпорола скамейкой. Я к ней не пойду». Дошёл до дому, его собака встречает: «Здравствуй! Ты почему меня посадил на цепь?»» и т. п. В заключение рассказчица (из д. Большие Рымы) указала: «Вот он животных всех стал понимать. Не на всю жизнь он такой. Надо было каждый год идти и садиться снова в колочижник. Вот тогда на год слышишь лю-

бой *зык*, любой *клик*». *Зык* и *клик* здесь — элементы «сверхъестественной» коммуникации; при этом включенность *клик-* в это поле мы уже видели,³³ и для *зык-* она тоже релевантна, ср. «колдовское» слово из этого гнезда, в ареал которого входят, в числе прочих, соседние по отношению к Костромской области территории (влг., яросл., арх. *о́зык* 'наговор, сглаз, порча; болезнь от наговора, сглаза'³⁴).

Весьма часто для обозначения вербальной магии и колдовской речи используются глаголы, антонимичные по отношению к рассмотренным выше. Они обозначают не громкий, а, наоборот, аномально тихий звук, *шепот*: 1) *сделать шёпоты, шептать* 'произносить магические слова, заговоры': пав. «*Сделают* какие-то *шёпоты, пошепчут*, жор напустят, будет всё без остатка есть», «Порсят приносят и *шепчут*, чтобы рос быстрее»; 2) мак. *отшептывать* 'произносить заклинание, направленное против какой-либо болезни, сглаза и проч.': «Тишинка у его, плачет, не спит. На спинке волоски у его. *Отшептывать* надо, слова нужные тихонечко сказать». Колдуны и колдуньи (знахарки) называются *шептунáми* и *шептуньями*. Шепот зачастую невнятен, а это позволяет колдовской речи отмежеваться от профанной, тем самым «сакрализуясь», ср. меж. *бармить* 'невнятно бормотать, произнося заклинания': «Ну, забор доила ведьма — корова-то не будет давать молоко. *Бармит* чего-то шепотом ведьма, сглядывает». Интересно и мак. *пúхтит* 'бурчать, бормотать' («*Пухтит* себе под нос, вслух не решается»), которое в наших современных записях не имеет «колдовских» сем в значении, но весьма вероятно, что они были ранее, поскольку на соседних территориях такая семантика засвидетельствована. Для влг., вят. *пúхтать* 'нашептывать, колдовать', арх., вят. *пúхтарь* 'знахарь' и др. О. В. Востриков предполагает субстратное (приб.-фин.) происхождение, ср. фин. *puhua* 'говорить, беседовать', люд. *puhuda* 'читать заговор', вепс. *puhe* 'заклинание, заговор', *puh'tta* 'колдовать, ворожить' и т. п.³⁵

Таким образом, «напряженность» магической речи может задаваться не только увеличением громкости произносимого текста, но и, напротив, более тихим звуком и быстрым темпом.

³² См. также: Березович Е. Л. Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 5–9.

³⁴ Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 23. С. 101.

³⁵ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 33, 34.

³² См.: Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. СПб., 2019. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. С. 166–167.

Итак, все описанные ситуации объединены участием аномального, «напряженного» голоса, при этом ритуал характеризуется особо громким голосом в двух основных вариантах — аффектированный вопль-плач и пение, а акты колдовства, использования вербальной магии не предполагают громкость: здесь звучит или особо тихая речь, или аномальная по особен-

ностям звукоизвлечения (голос кликуши). Но собственно напряженность речи — внешний параметр. Чтобы понять, какое содержание за ним стоит, обратимся к обобщающей таблице.

Как видим, во всех случаях напряженный голос вовлечен в аномальные либо усложненные условия коммуникации, что и обуславливает его использование. Эта аномальность исходит в первую очередь от адресата: 1) он

Таблица

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ В ОБЯДНОСТИ И МАГИИ

Ситуация использования аномальной речи		Примеры лексики	Характеристика акта коммуникации (исполнитель и адресат)	Основная функция вербального акта
Погребальный обряд		<i>выть (по покойнику), привывать, реветь</i>	исполнитель — родственница умершего или плача; включенный в коммуникацию адресат отсутствует; текст адресован «иному миру» и деревенскому социуму	эмотивная (изживание горя), социальная (отдавание почестей ушедшему)
Свадьба	канун	<i>выть, завывать, обывывать (невест), подвывать, привывать; вопить; реветь; плакать</i>	исполнитель — невеста или плача; адресат нередко отсутствует; иногда в качестве адресата указана невеста	эмотивная
	послесвадебный вьюнишник	<i>окликать молодых, славить молодуху окликать (безобъектно)</i>	исполнители — члены социума; непосредственные адресаты — молодые, молодуха; подразумеваемый адресат — весь социум	социальная (возвеличивание молодых), продуцирующая
Календарь	Егорьев день	<i>окликать (откликать) Егория, кричать, вопить Егория, окликать скотину, окликать хозяйства (метонимический перенос)</i>	исполнители — члены социума; ирреальный адресат просьбы — св. Егорий (защитник)	апотропеическая
	Великий четверг	<i>звать, вопить, кликать, кричать медведя</i>	исполнители — члены социума; ирреальный адресат приглашения — медведь (источник опасности)	апотропеическая
	Крестопоклонная неделя	<i>кричать кресты/крестов, вопить кресты/крест(т)ые, вопить говинье, окликать говенье, славить (прославить) говинье</i>	исполнители — члены социума; непосредственные адресаты просьбы — хозяева дома; ирреальные опосредованные адресаты — силы природы	продуцирующая
Вербальная магия, колдовство	насылание порчи	<i>прокликнуть, закличка, голоса (в ситуации взаимодействия с кликушей)</i>	исполнитель — колдун; адресат — человек, выбранный колдуном (например, по имени) в качестве жертвы	вредоносная
	проклятие	<i>прокликнуть (ребенка)</i>	исполнитель — человек, который прокликает (мать); непосредственный адресат — ребенок; ирреальный опосредованный адресат — нечистая сила	вредоносная
	феноменальное событие (цветение папоротника)	<i>зык, клик</i>	участники речевого акта — человек и животные	обеспечивающая обречение сверхъестественных умений
	снятие порчи	<i>сделать шёпоты, шептать, отшептывать, бармить, пухтать</i>	исполнитель — знахарь; ирреальный опосредованный адресат — нечистая сила, дух болезни	исцеляющая

не может услышать, понять нормальную речь, потому что принадлежит к миру мертвых, животных, нечистой, крестной силе или производительным силам природы; 2) донести до него информацию обычным образом невозможно, поскольку адресат является целым социумом; 3) адресат оказывается подмененным (допустим, проклиная ребенка мать не ожидает, что условия произнесения формулы проклятия вводят ее в контакт с нечистой силой). При этом обращение к мертвому все-таки выделено особо: формально это некоммуникативная ситуация, поскольку адресат ушел из жизни, поэтому эмоция (невероятно интенсивная) отчасти замыкается на себя, отчасти становится сигналом для других членов социума.

Из-за усложненности ситуации с адресатом проанализированные нами глаголы имеют специфическое и часто меняющееся управление, ср. *вопить Егорю/медведя/говинье/кресты*. К примеру, в ситуации исполнения середокрестных приговоров дети вопят кресты, меняя адресата на выпрашиваемое лакомство, поскольку, разумеется, не думают об обращенности их текста к производительным силам природы.

Глаголы речи, изначально принадлежавшие к сфере обыденной коммуникации, приобрета-

ют дополнительные специфические значения в сфере ритуала и верований. Релевантность этих значений подтверждается тем, что множество словообразовательных дериватов данных глаголов фигурируют только в области ритуальной и магической речи: *обывывать, привывывать, вытница, Кликуншинная, прокликнуть* и др. Переходя в сферу ритуализованной речи, приведенные глаголы порой образуют некую градацию, когда бытовое и обрядовое значение нечетко различимы между собой, ср. вох. «*Вытьё* только на свадьбе — *заплакали, завыли*».

Проанализированные глаголы не имеют непроходимых смысловых границ между собой, хотя и образуют группы, объединяясь по тем или иным признакам. Так, слова из гнезд глаголов *выть* и *реветь* используются именно для описания ситуации причитания, и это объясняется их первоначальной семантикой, отнесенной не только к речевой, но и к эмоциональной сфере. Глаголы *кликать, вопить* и *кричать* функционируют в более широком круге ситуаций, при этом массовость исполнителей и регулярность воспроизведения ритуалов (особенно календарных) способствуют как вариативности текстов, так и постепенному стиранию символического смысла ритуала.

Elena L. Berezovich

Member of the RAS, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: berezovich@yandex.ru

Yana V. Malkova

Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: [yana-malkova@list.ru](mailto: yana-malkova@list.ru)

“TENSE” SOUNDS IN RITUALISM AND MAGIC (BASED ON MATERIALS OF CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION OF KOSTROMA REGION)

This article is devoted to studying Russian folk rituals, magic practices and beliefs, in which the sound component (namely “tense” sounds, too loud or, vice versa, too low voice, special intonation or tempo, etc.) plays a significant role; it also identifies vocabulary “serving” for these situations, features of communication acts and “tense” sound functions. Cultural and linguistic traditions of Kostroma region was selected for the research. Field records made in 1975–2003 by the Toponymical expedition of the Ural University were taken as the material for analysis; some other written sources containing local dialects were also involved. The analysis conducted allows concluding that “tense” ritual or magical speech is described mainly using words from the following families of the verbs *klikat'* (to shriek), *krichat'* (to scream), *vopit'* (to yell), *revet'* (to cry), *vyt'* (to howl), *sheptat'* (to whisper). After getting into the ritual field, words with initial “household” semantics obtain special features, which is reflected in their lexical meaning and syntax properties. “Tense” sounds are typical for some family rituals (funeral and prayer for the dead, bachelorette party the day before the wedding, after-wedding *viyunishnik* (ritual of celebration of a newly wedded couple)) and rituals associated with some calendar dates, such as *Egoriev den'* (George’s Day in Spring), *Velikiy Chetverg* (Holy Thursday), *Krestopoklonnaya nedelya* (the Adoration of the Holy Cross); it can also be used during verbal magic and sorcery. The identified functions of this sound production method are as follows: emotive, social, apotropeitive, producing, malicious and healing.

Keywords: *ethnography, Kostroma region, dialect vocabulary, verbal magic, ritual wailing, roundabout rituals, folk calendar*

REFERENCES

- Agapkina T. A. [Glory in East Slavic Folklore]. *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture* [Category of Assessment and System of Values in Language and Culture]. Moscow: Indrik Publ., 2015, pp. 109–166. (in Russ.).
- Agapkina T. A., Levkievskaya E. E. [Voice]. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, pp. 510–513. (in Russ.).
- Atroshenko O. V. *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktsional'nyy i leksikograficheskiy aspekt: kand. dis.* [Russian Folk Chrononymy: Systemic-Functional and Lexicographic Aspects: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2012. (in Russ.).
- Berezovich E. L. [Motive of Exclamation, Call, Response in Toponymy and Toponymic Legends]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2023, no. 4 (120), pp. 5–9. (in Russ.).
- Etnodialektnyy slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya* [Ethnodialectal Dictionary of Mythological Stories of the Perm Region]. Saint Petersburg: Mamatov Publ., 2019, part 1: People with supernatural properties. (in Russ.).
- Gemp K. P. *Skaz o Belomor'ye. Slovar' pomorskikh recheniy* [Tale of the White Sea Region. Dictionary of Pomeranian Sayings]. Moscow: Nauka Publ.; Arkhangelsk: Pomor. univ. Publ., 2004. (in Russ.).
- Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik Publ., 2012. (in Russ.).
- Gura A. V. *Simvolika zivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik Publ., 1997. (in Russ.).
- Kititsyna L. [Bread. From Materials on Folk Nutrition of the Kostroma Region]. *Chetvertyy etnograficheskiy sbornik* [Fourth Ethnographic Collection]. Kostroma: Gos. tipo-lit. "Krasnyy pechatnik" Publ., 1927, pp. 92–102. (Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region; iss. 41). (in Russ.).
- Korepova K. E. *Russkiye kalendarnyye obryady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Russian Calendar Rituals and Holidays of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Saint Petersburg: Tropa Troyanova Publ., 2009. (in Russ.).
- Kuchko V. S. [Chrononyms and Some Features of the Calendar Cycle of Makarevsky District, Kostroma Region]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2023, vol. 20, no. 3, pp. 164–183. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.036 (in Russ.).
- Moroz A. B. [Speech of Saints in Legends]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2010, no. 5, pp. 106–110. (in Russ.).
- Pomerantseva E. V. [The Role of the Word in the Ritual of Plowing]. *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rituals and Ritual Folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 25–36. (in Russ.).
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka, Lenigr. otd-niye Publ., 1987, iss. 23. (in Russ.).
- Smirnov V. I. [People's Funerals and Lamentations in the Kostroma Region]. *Vtoroy etnograficheskiy sbornik* [Second Ethnographic Collection]. Kostroma: Severnyy rabochiy Publ., 1920, pp. 21–126. (Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region; iss. 15). (in Russ.).
- Tolstaya S. M. [Verbal Rituals in Slavic Folk Culture]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical Analysis of Language. Language of Speech Actions]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 172–177. (in Russ.).
- Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive* [The Space of the Word. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik Publ., 2008. (in Russ.).
- Tolstoy N. I. [Wailing]. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995, vol. 1, pp. 513–515. (in Russ.).
- Tultseva L. A. [Viyunishniki]. *Russkiy narodnyy svadebnyy obryad. Issledovaniya i materialy* [Russian Folk Wedding Ceremony. Research and Materials]. Leningrad: Nauka Publ., 1978, pp. 122–137. (in Russ.).
- Vostrikov O. V. [Finno-Ugric Lexical Elements in Russian Dialects of the Volga-Dvina Interfluve]. *Etimologicheskiye issledovaniya* [Etymological Studies]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1981, iss. 2, pp. 3–45. (in Russ.).

Для цитирования: Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-24-33.

For citation: Berezovich E. L., Malkova Ya. V. "Tense" Sounds in Ritualism and Magic (Based on Materials of Cultural and Linguistic Tradition of Kostroma Region) // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 24–33. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-24-33.